

Эрик-Эмманюэль Шмитт

КОНЦЕРТ
«ПАМЯТИ АНГЕЛА»

Гонкуровская
премия
2010 года

Каждая история – маленький шедевр!

Азбука-бестселлер мини

Эрик-Эмманюэль Шмитт
Концерт «Памяти ангела»

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Шмитт Э.

Концерт «Памяти ангела» / Э. Шмитт — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Азбука-бестселлер мини)

ISBN 978-5-389-24246-3

Сборник новелл Шмитта «Концерт „Памяти ангела“» получил в 2010 году Гонкуровскую премию. Писатель, как всегда, предлагает блистательные, изысканные и... совершенно неожиданные сюжетные ходы. Что связывает пожилую женщину, отравившую трех мужей, и влюбленного в свою жену президента Франции? Дюжего моряка, переживающего, что мало уделял внимания дочерям, и циничного дельца, заработавшего первый миллиард на торговле изображениями католических святых и порноаксессуарам? И при чем тут святая Рита, покровительница попавших в беду и отчаявшихся?

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-24246-3

© Шмитт Э., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Отравительница	6
Возвращение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Концерт «Памяти ангела». Новеллы

CONCERTO Á LA MÉMOIRE D'UN ANGE

Eric-Emmanuel Schmitt

Copyright © Editions Albin Michel – Paris, 2010

© А. Петрова, перевод, 2011

© М. Брусовани, перевод, 2011

© Г. Соловьева, перевод, 2011

© Г. Погожева, перевод, 2011

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

* * *

Эрик-Эмманюэль Шмитт – мировая знаменитость, это один из самых читаемых и играемых на сцене французских авторов. Маленький шедевр «Оскар и Розовая Дама», переведенный на без малого полсотни языков, прославил его имя.

Сборник новелл «Концерт «Памяти ангела» получил в 2010 году Гонкуровскую премию. Писатель, как всегда, предлагает блистательные, изысканные и... совершенно неожиданные сюжетные ходы.

Каждая история – маленький шедевр!

* * *

Великолепный рассказчик, Шмитт с неподражаемым изяществом дарит читателю маленькие золотые легенды. Каждая из коротких новелл, вошедших в «Концерт «Памяти ангела», по сути, небольшой роман. Искушение и проклятие – вот два крыла двуликого ангела, парящего над этой книгой...

Les Echos

Отравительница

– Атас! Отравительница!

Мальчики сбились в плотную, как кулак, кучку. В следующую секунду они стремглав бросились к реке и юркнули под каменный мосток на берегу, где жители деревни обычно полоскали белье; там, в прохладе и темноте, можно было незаметно наблюдать за дорогой; ребята перепугались не на шутку и теперь сидели, затаив дыхание.

Светило полуденное солнце, Мари Морестье неторопливо переходила улицу. Эта высокая опрятная женщина семидесяти лет, с прямой осанкой и суровым морщинистым лицом, была одета в черный накрахмаленный костюм с поясом на талии. Она шла медленно, то ли потому что неважно себя чувствовала в жару, то ли потому что боль в суставах превращала в пытку каждое движение. Ее слегка покачивало, и неловкость походки придавала силуэту особую царственность.

Дети стали перешептываться:

– Думаешь, она нас заметила?

– Давайте крикнем. Напугаем ее!

– Ну ты и дурак! Она же не боится никого и ничего на свете. А вот ты точно мог бы струхнуть.

– А мне не страшно.

– Только попробуй что-нибудь сделать, она тебя сразу прикончит! Как и остальных.

– Не страшно мне, говорю же...

– Ну и зря, ты же знаешь, ее покойные мужья были куда сильнее и крепче тебя.

– Пфф! Все равно ни капельки не боюсь...

Храбрость храбростью, но ребята решили оставить Мари Морестье в покое, и она удалась, так и не услышав ни окликов, ни шуток в свой адрес.

Двадцать лет назад после двух судебных процессов дело Мари Морестье было закрыто, и она вышла из тюрьмы, где отбывала предварительное заключение. Большинство жителей Сен-Сорлен считали ее невиновной, но дети упорно полагали, что живут рядом с настоящей убийцей, и эта восхитительная опасность не давала им скучать. Впрочем, взрослые оправдывали Мари Морестье без всякого основания: им просто не удалось бы смириться с мыслью, что женщина, которая преспокойно разгуливает по их деревне, заговаривает с ними, ходит в их магазины и молится в их церкви, на самом деле – страшная преступница; нет-нет, их соседка непременно должна быть порядочным человеком, таким же, как и они.

Никому из местных жителей не нравилась эта гордая, сдержанная и острая на язык старуха, она не вызвала у окружающих ни симпатии, ни доброжелательности, и тем не менее каждый обитатель Сен-Сорлен радовался, что именно с его деревней связана история такой экстраординарной личности. «Отравительница из Сен-Сорлен», «Ведьма из Бюже», «Мессалина из Сен-Сорлен-ан-Бюже» – несколько месяцев подряд об этой сенсации трубили газеты, радио и телевидение. Шумиха вызвала всеобщий, хоть и нездоровый интерес, и Сен-Сорлен стал достопримечательностью, ради которой автомобилисты сворачивали с трассы и отправлялись в деревню, чтобы выпить кофе, пропустить стаканчик, перекусить на постоялом дворе, купить хлеба или полистать журнал в надежде случайно столкнуться с Мари Морестье. Зеваки удивлялись, что такая миленькая деревушка, отделенная от мира с одной стороны каменной изгородью, увитой дикими розами, а с другой – течением Роны, изобилующей форелью и щуками, такое ангельски тихое место, где жители стирают белье в кристально чистой проточной воде, могла стать приютом для безжалостной убийцы. Двусмысленная характеристика! Организуй обитатели этого местечка турбюро, они не придумали бы лучшей наживки для путешественников, чем Мари Морестье; впрочем, мэр Сен-Сорлен, довольный наплывом туристов, как-то

раз на эмоциональном взлете объявил, что является «самым преданным фанатом Мари Морестье». Несложно угадать реакцию знаменитости на подобный комплимент – Мари Морестье обдала своего почитателя холодным, враждебным взглядом, не проронив ни слова.

Она прошествовала мимо постоянного двора с плетеной ивовой корзинкой в руках, не глядя по сторонам, – ей было отлично известно, что посетители трактира, завидев ее, уткнулись любопытными носами в зеленоватые квадратики оконных стекол и теперь исподтишка внимательно наблюдают за ней.

– Смотрите! Злодейка идет!

– Какая она высокомерная!..

– Да, не подступишься!

– Только подумать, скольких мужиков прикончила!

– Но ведь ее оправдали...

– Оправдали – это значит, что раньше она была виновна, дружище. Хозяин трактира, которого я как раз сейчас пытал на эту тему, сказал: нет дыма без огня...

Если большинство обитателей Сен-Сорлен и считали Мари Морестье невиновной, то предпочитали не распространяться об этом направо и налево, сохраняя таинственность, – вдруг у доверчивых гостей пропадет интерес. Не заставляя долго себя упрашивать, местные жители не только охотно показывали туристам дорогу, по которой прогуливалась Мари Морестье, и знаменитый дом на холме у реки, но и выкладывали по секрету ее привычки и ежедневные дела... Когда же речь заходила об обвинении в убийстве, каждый предусмотрительно отвечал: «Кто его знает?»

Миф поддерживали не только обитатели поселка, но и пресса: телевидение регулярно выпускало в эфир передачи о жизни Мари Морестье, подчеркивая неоднозначные, темные эпизоды; и хотя журналисты были обязаны рассказывать, что подозреваемую оправдали – иначе адвокат Мари Морестье добился бы от них выплаты штрафа за клевету, – они объясняли закрытие дела отсутствием улик, а не торжеством справедливости.

Преодолев еще десять метров, Мари Морестье остановилась и убедилась, что ее злейший враг на месте. Само собой! Раймон Пуссе, стоя спиной к витрине и держа в руках образцы тканей, заливался соловьем перед парой, заказавшей ему новую обивку для кресел.

«Осел. Грубый, как пакля для набивки мебели, и мерзкий, как конский волос», – подумала Мари Морестье. Она не слышала слов Раймона Пуссе, но с ненавистью буравила его затылок тяжелым взглядом.

– Мари Морестье? Это самая опасная преступница Франции, избежавшая наказания! Она три раза была замужем, и все ее мужья были богаче и старше ее. И все трое умерли спустя несколько лет после свадьбы. Вот ведь не повезло! И все три раза она стала наследницей! Дело привычки! Подозрения возникли у пятерых детей ее последнего супруга Жоржа Жардена, моего хорошего приятеля: Жорж всегда был в прекрасной форме, но стоило ему жениться на этой ведьме, как здоровье пошатнулось, он слег и за две недели до смерти изменил завещание в пользу Мари Морестье. Это уже было слишком! Началось расследование, и после эксгумации в телах покойников были обнаружены подозрительные следы мышьяка. В ожидании судебного слушания Мари Морестье отправили в тюрьму, но ни сыновьям, ни погибшим от этого, понятное дело, толку никакого. И как вы думаете, на что потратила деньги счастливая вдова? На своего любовника Руди, или Джонни, или Эдди, точно не помню, как звали несчастного америкоса. Кстати, он был молод – не то что мужья, старые развалины. Получив деньги, Мари нашла себе молоденького красавчика, сёрфера из Биаррица, который все бабки вбухал в машины, одежду и азартные игры. Обыкновенный жиголо, неотесанный и тупой как пробка. Впрочем, ему можно сказать спасибо – он отнял у Мари то, что она украла у других. Так ей и надо! Скажете, справедливость восторжествовала, но как бы не так – Мари Морестье пришила и плейбоя. На этот раз не ради денег, а потому что он ее бросил. Его больше никто не видел.

Морестье клянется, что он сбежал за границу. А по мне, так его гниющее тело с привязанным к ноге камнем покоится где-нибудь на морском дне. Единственный, кто мог что-то знать об убийствах, – это Бланш. Миленькая простушка, младшая сестра Мари, ее любимица и протеже. И ведь не поверишь, что эта болотная гадина способна испытывать искренние чувства; но, верно, на коровьем дерьме тоже растут цветы. Да, только ее младшая сестра знала, но и она окоурилась! В самый разгар расследования. Мари в ее кончине, разумеется, обвинить нельзя, она же сидела за решеткой, отбывала предварительное заключение, а Бланш погибла в авиакатастрофе вместе с остальными ста тридцатью двумя пассажирами, стертыми с лица земли за долю секунды. Прекрасное алиби... Везет же! Можно подумать, у злодеев есть какой-то специальный бог. После смерти девчонки-простофили, которая путалась и сама себе противоречила, выступая с показаниями то как свидетель обвинения, то как свидетель защиты, адвокат и обвиняемая наконец успокоились, стали гнуть свою линию, и дело по оправданию ведьмы сдвинулось с мертвой точки.

Глядя, как Раймон Пуссен лихорадочно жестикулирует и с каждой минутой все больше краснеет, Мари Морестье еще на улице догадалась, что речь идет о ней. А покупатели, увлеченные рассказом Пуссена, даже не заметили, что преступница стоит прямо перед ними, за спиной прокурора, осыпающего ее проклятиями.

– Морестье воспользовалась кончиной сестры по полной программе! Она рыдала в три ручья, повторяя, мол, слава богу, Бланш погибла в авиакатастрофе, а то бы ее обвинили еще и в убийстве родной сестры. Ведь все считали, что Морестье убивает своих близких – мужей, сестру; ее даже подозревали в убийстве... как его... Руди, Джонни, Эдди – ну, того, с рокерским именем, якобы ее любовника, хотя труп не нашли, а парень удрал за границу, спасаясь от кредиторов или другой какой напасти, которую он нашел на свою задницу. Обвинение проверяло все и вся, казалось, что правосудие ищет повод наконец упрятать Мари за решетку. Адвокат обвиняемой, кстати, все время упирал на это, и правильно делал. Анализ почвы в районе местного кладбища показал, что в этом регионе в работах по уходу за захоронениями применяется гербицид с мышьяком, отчего любого покойника, пролежавшего в земле несколько лет, можно принять за отравленного мышьяком, особенно если его могилу часто поливал дождь. Так что Морестье и ее адвокат выиграли оба процесса. Заметьте, господа, я говорю «Морестье и ее адвокат», а не «правосудие и закон».

В этот момент торговец почувствовал острую боль в затылке. Он поднес руку к голове, решив, что боль вызвана укусом насекомого, затем обернулся.

На него в упор смотрела Мари Морестье. Старик обмер, у него сбилось дыхание.

Несколько секунд они сверлили друг друга взглядами: она – холодным и тяжелым, он – испуганным. Раймон Пуссен всегда терялся в присутствии Мари Морестье; раньше ему казалось, что он в нее влюблен, и он даже пытался ухаживать, но с некоторых пор уверился, что ненавидит эту женщину.

Прошла долгая минута, прежде чем Мари Морестье наконец перестала играть в гляделки, пожала плечами и как ни в чем не бывало двинулась дальше.

Она прошла вдоль террасы кафе – внезапное появление железной женщины заставило посетителей на секунду замолчать, – затем открыла дверь в лавку мясника.

Разговоры затихли. Мари Морестье скромно встала в очередь, а продавец, словно повинаясь негласному уговору, оставил покупателя, показывая, что сперва займется ею.

Никто не возражал. Жители Сен-Сорлен не только признавали особый статус Мари Морестье, но и вели себя в ее присутствии с печальной покорностью. Не осмеливаясь продолжать прежний разговор и, конечно, не решаясь к ней обратиться – ведь народная молва уже давно сделала из нее чудовище, – люди просто хотели, чтобы она поскорее ушла.

Почему о ней не забывали? Почему, оправданная судом, она превратилась в легенду? Почему спустя десять, двадцать лет после расследования о ней продолжали говорить?

Потому что Мари Морестье была неоднозначной фигурой, в ней была загадка, что всегда привлекает внимание: например, ее внешность абсолютно не сочеталась с ее поведением. Обычно медсестры, выскакивающие замуж за богатых старых пациентов, – этикие цыпочки с пышными формами, они то и дело выставляют напоказ свою сексуальность и носят коротенькие платьица, обтягивающие округлости. Но Мари Морестье даже в молодости не выглядела молодой, задолго до положенного срока у нее уже был какой-то потрепанный, климактерический вид. Эта кобыла со строгим вытянутым лицом ходила в блузках с воротничком-стойкой и в массивных очках, а обувь ее скорее напоминала лыжные ботинки, чем женские туфельки. Словом, та, кого журналисты именовали «сердцеедкой», на вид была напрочь лишена желаний и сексуальности. Непонятно, как объяснить многочисленные браки подобной особы, и уж тем более непонятно, с чего в нее втюрился лохматый Руди, любитель травки и спортсмен в распахнутой на загорелой груди рубашке. Еще одно противоречие: по мнению обывателя, отравительница, тем более отравительница-рецидивистка, должна быть с остреньким носиком и мелкими чертами лица, несущими клеймо порока, мстительности, злобы; однако Мари Морестье напоминала скорее дотошную набожную учительницу, как будто она преподавала детям Закон Божий. Короче говоря, все, что рассказывали о Мари Морестье, не соответствовало ее облику: ни ее романы, ни ее преступления.

– Зачем же, я встану в очередь, – пробормотала Мари Морестье так смиренно и смущенно, словно подобная честь оказывалась ей впервые.

– Мадам, в своей лавке я поступаю так, как считаю нужным, – спокойно ответил мясник. – Покупатели согласны?

Люди из очереди кивнули.

– Тогда, пожалуйста, телячью печень для меня и кусочек легкого для моей киски.

Покупатели невольно восприняли этот заказ как рецепт очередного яда.

А ведь Мари Морестье обладала заурядной безобидной внешностью.

Впрочем, стоило за ней понаблюдать, как в душу закрадывались сомнения... Время от времени в ее глазах словно вспыхивала молния. Если бы взгляд мог убивать, то во время судебного процесса судья, заместитель прокурора и свидетели со стороны обвинения точно отправились бы на тот свет. Ее выступления были резкими и категоричными: одних свидетелей она обзывала кретинами, придурками, других – параноиками, по косточкам разбирала все показания, потом опровергала их, обезоруживая свидетелей меткостью замечаний, и была совершенно неотразима. После того как она разделявала какого-нибудь свидетеля, ничто уже не могло вернуть ему доверие суда, после нее оставалась лишь выжженная земля, где уже ничего не могло вырасти. Эта женщина или, скорее, это существо обладало дьявольским умом. Как бы она себя ни вела, она вызывала трепет. Виновна? Недостаточно порочная внешность. Невинновна? Недостаточно мягкости в лице. Проститутка? Нет, для этого надо, чтобы ее тело источало желание и поэтому было желанным. Любящая супруга дряхлых стариков? В этой женщине не было любви.

Пожилая дама приняла пакеты, протянутые продавцом:

– Спасибо, Мариус.

Мясник вздрогнул. Его жена, стоявшая за кассой, закашлялась. В устах Мари Морестье любое имя воспринималось как улика. Кроме того, за пределами семейного и дружеского круга никто не называл господина Исидора по имени: он не допускал подобной фамильярности. Как громом пораженный, мясник безропотно снес удар, а его жена, стиснув зубы и не произнеся ни слова – она предпочитала объясняться с мужем наедине, – отсчитала покупательнице сдачу.

Мари Морестье вышла из лавки, пожелав всем хорошего дня. Очередь вежливо проводила ее смущенным шепотом.

На улице Мари встретила Иветту с ребенком. Не поздоровавшись с матерью, она склонилась к новорожденному.

– Здравствуй, мой сладенький, как тебя зовут? – спросила она медовым голосом.

Четырехмесячный малыш, понятное дело, не мог ничего сказать, поэтому Иветта ответила за него:

– Марчелло.

Не поднимая глаз на молодую женщину, Мари снова улыбнулась младенцу, будто он сам ей ответил.

– Марчелло? Какое красивое имя! Намного изящнее, чем Марсель.

– Мне тоже так кажется, – радостно согласилась Иветта.

– А сколько у тебя братьев и сестер?

– Две сестры, три брата.

– Так ты шестой? Счастливое число.

– Правда? – удивленно воскликнула Иветта.

Пропустив реплику Иветты мимо ушей, Мари вновь обратилась к младенцу:

– А почему Марчелло? Твой папа итальянец?

Мать зарделась. Вся деревня знала, что Иветта спит с каждым встречным и понятия не имеет, от кого какой ребенок.

Взглянув наконец на Иветту, Мари широко улыбнулась ей и вошла в булочную «Золотая галета». Покупатели уже давно следили за разговором на улице, чувствуя неловкость.

Было ли поведение Мари Морестье дружеским жестом или язвительным упреком? Сложно сказать. Когда Мари Морестье высказывала свое мнение, его не принимали на веру, считая Мари лицемеркой. О чем бы ни говорили ее мимика и слова, они прежде всего говорили о строгом контроле. Виртуозное интонирование речи, хлопанье ресницами – все работало на создание жалостливой, гневной, трагической, покорной или взволнованной маски. Она была завораживающей актрисой, ибо не скрывала своей игры. Напротив, ее искусство отстаивало свое право на нарочитость. В своей неестественной игре Мари Морестье никогда не забывалась, она всегда сохраняла бдительность. Некоторые считали, что это свидетельствует о лживости, другие, напротив, воспринимали как проявление порядочности.

– Половинку багета, пожалуйста!

Никто, кроме Мари Морестье, не покупал половинку багета; а даже если порой у кого-нибудь и возникало такое желание, булочник выгонял беднягу вон несолоно хлебавши. Но когда в один прекрасный день он попытался объяснить Мари, что продает либо целый багет, либо ничего, она ответила ему так:

– Отлично. Когда начнете выпекать хлеб, который не будет черстветь за три часа, скажите. Я буду покупать по целому багету раз в два дня. А пока только половину.

Пока Мари Морестье расплачивалась, одна из туристок, не сдержавшись, вдруг выкрикнула:

– Мадам, вы не откажетесь дать мне автограф?

Мари нахмурилась так, словно не на шутку рассердилась, но очень отчетливо произнесла:

– Конечно.

– Большое спасибо, мадам, спасибо! Я вами просто восхищаюсь. Я видела по телевизору все передачи про вас.

Мари окинула женщину многозначительным взглядом, в котором легко читалось: «Бывают же дураки», поставила свою подпись, вернула туристке блокнот и ушла.

Как Мари Морестье относилась к своей не меркнувшей с годами славе? С одной стороны, казалось, что это для нее тяжелый груз, но с другой (многие детали могут быть тому подтверждением) – Мари наслаждалась своей известностью, она была заметной гражданкой и с удовольствием восседала на празднествах, банкетах и свадьбах. Если журналисты хотели взять у нее интервью или сделать фотографии, она сперва обсуждала со своим адвокатом, сколько с них запросить. Прошлой зимой, когда Мари лежала дома с тяжелым гриппом, обитатели Сен-

Сорлен, в страхе потерять свою главную достопримечательность, приходили ее проводить, и больная, несомненно, получала от этого удовольствие. А как-то раз нынешним летом, в самую жару, присев за столик кафе, чтобы выпить воды с мятным сиропом, и обнаружив, что кошелек остался дома, Мари Морестье вместо извинений бросила официанту: «Я приношу вам такой доход, что вы могли бы сами заплатить за меня».

Медлительная, немного сутулая и словно скованная собственным телом, Мари Морестье повернулась и стала подниматься вверх по склону к себе домой. Со временем она все больше входила в роль жертвы судебной ошибки. В самом начале она, конечно, сделала несколько глупостей: например, сразу после ее освобождения один популярный журнал опубликовал снимок бывшей подозреваемой, где она улыбалась во весь рот, стоя в саду, среди любимых роз, поглаживая кота и совершенно не скрывая радостного расположения духа. Это была катастрофа; беззаботное веселье Мари Морестье не имело ничего общего со скорбью вдовы или меланхолией женщины, угнетенной тюремным заключением. Как только материал напечатали, посыпались злобные статьи, в которых вновь и вновь поднимался вопрос о ее виновности и неразгаданных сторонах дела. Впоследствии Мари Морестье навсегда вжилась в образ несчастной жертвы, этакой подстреленной птицы.

Она шла по улице, разделяющей деревню надвое. На холме, выше крыш домов и голых ветвей платанов, простирались грустные, как звери в зоопарке, поредевшие и осунувшиеся мартовские виноградники – лишь ловким, изворотливым побегам удавалось проскользнуть между рядами проволоки.

Проходя мимо церкви, Мари вздрогнула.

Оттуда раздавалась музыка. Но почему? Может ли быть, что...

Мари избежала вверх по ступенькам так быстро, как только позволяли мозоли и артроз, толкнула дверь, которая в ответ скрипнула, и, зачарованная происходящим, позволила звукам, подобно глубокому аромату, ласково прикоснуться к ней, окутать ее, проникнуть внутрь.

Молодой священник играл на фисгармонии.

Он был божественно, неслышанно красив. Один в нефе, бледный, будто напудренный, с идеально очерченным ртом в форме сердечка, он весь светился, озаренный золотым светом, который через витраж падал прямо на плечи юноши. Сияющий ярче алтаря, притягивающий сильнее, чем распятый Иисус, человек, извлекавший из инструмента дивные звуки, которые поднимались вверх, достигая сводов, был центром всей часовни. Загипнотизированная движением его белоснежных рук, ласкающих клавиши инструмента, Мари Морестье наблюдала за молодым человеком, и ей казалось, будто к ней снизошел сам Господь. Тарахтение мопеда на улице отрезвило обоих.

Внезапно обнаружив, что он не один, священник перестал играть и встал, чтобы поприветствовать прихожанку.

Мари Морестье едва не лишилась чувств. Священник, еще совсем юноша, оказался невероятно высоким и стройным; он улыбнулся, глядя на Мари, и его лицо засветилось, как у любовника на романтическом свидании. Казалось, еще чуть-чуть, и он раскроет ей свои объятия.

– Здравствуйте, дочь моя. Я новый священник Сен-Сорлен. Я только вышел из семинарии, и это мой первый приход. Мне очень повезло. Не каждому выпадает счастье оказаться в такой живописной деревушке, правда?

Смущенная глубоким бархатным тембром его голоса, Мари пролепетала в ответ, что это жителям Сен-Сорлен очень повезло.

Священник стремительно приблизился к Мари:

– Я аббат Габриель.

По спине у Мари пробежали мурашки. Ангельское имя совсем не сочеталось с его низким голосом.

– С кем имею честь? – спросил он, удивленный ее молчанием.

– Мари...

Мари сомневалась, стоит ли называть полное имя. Она боялась, что столько раз упоминавшаяся в криминальных разделах прессы фамилия омрачит прекрасное лицо священника, лишив его детской улыбки. Тем не менее она решилась:

– Мари Морестье.

– Очень приятно познакомиться, Мари Морестье.

Затаив дыхание, она с радостью отметила, что молодой человек нисколько не смутился, не встревожился и вообще не выразил никакого неодобрения, – невероятно! Странно... Юноша говорил с ней так, словно она была самой обыкновенной прихожанкой, не судил ее, не пытался запереть в клетку для диковинных животных.

– Мари, вы часто ходите в церковь?

– Я каждый день бываю на службе.

– Ваша вера всегда была сильной?

– Господь не вынес бы моих сомнений. Не будь я достойной Его, Он бы в два счета исправил положение.

Она хотела выглядеть скромной и жалкой, но вдруг поняла, что произнесла слова, полные гордыни. Достойной Господа! Исправил положение! Аббат Габриель несколько секунд размышлял, пытаясь осмыслить сказанное.

– Вера – это милость.

– Именно! Если бы наша вера ослабла, Господь живо пнул бы нас под зад, чтобы ее укрепить.

Мари не верила своим ушам. «Пнуть под зад»! Она никогда не употребляла подобных слов. Что с ней стряслось? Она орала, как вояка на поле боя, грубо и с молодецким задором. А может, ей просто хотелось быть мужчиной рядом с таким нежным созданием, как этот священник? Окончательно смешавшись, она опустила глаза, готовая признать свой промах.

– Итак, дочь моя, встретимся в семь утра на службе?

Она разинула рот и кивнула. «Он простил меня, – подумала Мари. – Что за прекрасный человек!»

На следующий день она встала ни свет ни заря и по утренней прохладе пришла к мессе раньше всех.

Когда аббат Габриель, в белоснежной альбе и зеленой шелковой stole, вышел из ризницы, Мари несколько секунд не могла прийти в себя от восхищения: он был таким же юным и прекрасным, как в ее воспоминании. Вместе они расставили скамеечки для молитвы, отодвинули в сторону качающиеся стулья, привели в порядок цветочные горшки, сложили стопкой молитвенники, – казалось, будто эти двое готовятся к приему гостей.

Стали собираться прихожане. В среднем каждому из них было лет восемьдесят. У входа в церковь седые, одетые в черное люди ненадолго остановились, однако их нерешительность и молчание свидетельствовали отнюдь не о враждебном отношении к новому священнику, а, напротив, об уважении к его предшественнику.

Аббат Габриель, казалось, прекрасно их понял, а потому подошел, представился, нашел нужные слова, чтобы почтить почившего в возрасте ста лет аббата, и пригласил всех занять места на скамьях рядом с хором.

Пока священник поднимался к алтарю, Вера Верне, которую Мари всегда мысленно называла старой каргой, пробормотала себе под нос:

– Это несерьезно. Епархия издевается над нами, он слишком молод! Нам прислали семинариста!

Мари улыбнулась, но ничего не ответила. Ей казалось, что она присутствует на службе впервые в жизни. Аббат Габриель словно заново сочинял христианскую мессу: его рвение, усердие и вера чувствовались в каждом слове и в каждом жесте. Он читал Евангелие с дрожью в голосе, он закрывал глаза и отдавался молитве так, словно от этого зависело его спасение. Ритуал, который он совершал, был не обыденностью, но насущной необходимостью.

Мари Морестье оглядела почтенных прихожан, – казалось, они были весьма обескуражены происходящим; они восседали на своих местах с видом пассажиров, чей полет проходит в зоне турбулентности. Тем не менее через какое-то время им стало невольно противиться священнику, и почти равнодушные католики позволили себе превратиться в страстно верующих. Они поднимались со скамьи, садились, безропотно становились на колени, не обращая внимания на хруст своих старых суставов; они пели в полный голос; они славил Господа, звонко проговаривая все слова и вкладывая в них огромный смысл. Через полчаса было уже не разобрать, кто кого вдохновляет – священник паству или паства священника, – прихожане будто соперничали между собой в силе религиозного рвения; даже паршивая овца Вера Верне, прежде чем принять причастие, изобразила просветленное лицо.

– До завтра, святой отец, – пролепетала Мари, спускаясь вниз по лестнице.

По спине у нее вновь пробежали мурашки. Что за удовольствие в ее возрасте – говорить «святой отец» такому юному созданию!

Мари шла со службы, сияя от счастья, намереваясь унести его с собой и спрятать дома. Она была рада новому священнику и чувствовала странную гордость, словно победа Габриеля была одновременно и ее победой.

Габриель быстро завоевал любовь деревенских жителей. Спустя несколько дней, когда молодой человек освоился с местными улицами, кафе, лавками и подружился с жителями, он организовал в приходской школе не только занятия по Закону Божьему, но и уроки грамоты. Вскоре его службы стали посещать и прихожане других церквей. Сен-Сорлен гордился своим священником. Даже неверующие находили его потрясающим.

Мари следила за его успехами, как мать радуется достижениям сына. «Им понадобилось время, чтобы понять то, что я заметила с первого взгляда».

Не отдавая себе в том отчета, рядом с аббатом Мари становилась другой. Разумеется, ее жесткое расписание и привычки остались неизменными, но в душе Мари зародились какие-то неведомые ей чувства.

Ровно в шесть утра она спрыгивала с постели, представляя, что в это самое время просыпается Габриель. Умываясь и разглядывая в зеркало над раковиной свое обнаженное тело, она грезил о том, что в этот самый момент Габриель, тоже в ванной и тоже раздетый, готовится к их скорому свиданию. И когда, задыхаясь от волнения, Мари переступала порог церкви, она входила не только в дом Господень, но и в дом Габриеля. При предыдущем священнике церковь Сен-Сорлен напоминала о присутствии Господа так же, как тошнотворные запахи мясной лавки напоминают о незримом присутствии заколотой свиньи; с тех пор как в приходе появился Габриель, в церкви пахло лилиями, ладаном и медовой свечой, витражи и каменные плиты были вычищены, покровы на алтаре выглажены, и создавалось впечатление, что Господь и молодой человек обустроили этот славный особнячок для долгой совместной жизни.

Когда Габриель, неотразимый в своей зеленой шелковой стóле, распахивал дверь ризницы и говорил: «Доброе утро, сестры, я рад вас видеть», Мари воспринимала его слова как личное обращение к ней. Повинуясь его командам: «На колени», «Встаем», «Поем», «Молимся», она в равной степени подчинялась обряду литургии и желаниям мужчины. В религиозном порыве Мари буквально впитывала в себя каждое слово Габриеля. Раньше во время проповедей она занималась тем, что заучивала наизусть имена, фамилии и даты жизни известных прихожан, высеченные на мраморных табличках вдоль прохода, – но ныне все изменилось!

Благодаря Габриелю Мари наконец познала силу и мудрость Евангелий – она не только истово внимала удивительным словам священника, но и представляла юношу в образе Христа, прекрасного, хрупкого, полного любви к человечеству. Частенько она воображала себя в облике Марии Магдалины, трепеща от нежности, в мечтах она кормила юношу, мыла ему ноги, а затем вытирала их своими распущенными волосами; Священное Писание, обретая плоть, обретало смысл.

Единственное, что раздражало Мари, так это толпы людей, которые стали собираться в церкви каждое воскресенье с того момента, как появился Габриель. Однажды утром Мари захотелось наябедничать на них священнику.

– Знаете, святой отец, раньше семьи Дюбрей, Морен, Исидор и Депрери не приходили на мессу.

– Тем лучше. Никогда не поздно начать. Помните притчу о человеке, который уверовал, лишь когда подошел его смертный час?

– Да, но, по-моему, Иисус не учел того, какие мысли могут прийти в головы тем, кто уверовал сразу, когда они увидят, сколь охотно Бог принимает в Свои объятия опоздавших.

– Иисус подумал об этом: Он знал, что верующие люди лелеют и умножают в себе добродетель.

Не уловив тонкого намека на свой недостаточно милосердный нрав, Мари ответила священнику недовольным, ворчливым тоном:

– Ну да... Эти туристы ходят на мессу ради развлечения, посмотреть на нового аббата. Как говаривала моя бабушка: «Новая метла по-новому метет».

– Если они и приходят сюда из любопытства, моя задача – удержать их, сестра. Надеюсь, у меня получится.

Она пристально взглянула на него, воодушевленного, доброго, великодушного. Она покраснела, устыдившись своего недоверия к людям, и совершенно искренне произнесла:

– У вас все получится, святой отец. Я уверена, вы сделаете из них примерных прихожан.

На самом деле ей просто хотелось, чтобы священник обратил на нее внимание, ведь она терпела его заботу о людях, его влияние или даже его чудесное воздействие на них лишь потому, что к ней самой Габриель относился по-особенному. И никогда в жизни ей не пришлось бы в голову назвать свои смешанные чувства простым словом «ревность».

Так что Мари очень неодобрительно восприняла внезапное вторжение в церковь Иветты.

Иветта была ходячими бедрами. Женщины встречаются разные: у одних необыкновенные глаза, у других – рот, у третьих – все лицо, но Иветту природа наградила именно бедрами. Когда она что-то рассказывала, можно было сколько угодно уговаривать себя сосредоточиться на ее мимике, но стоило ей отвернуться, как собеседник переводил взгляд на бедра. Две прекрасные колонны из плоти и крови, теплые, нежные и белые, как молоко, – так и хотелось до них дотронуться, проверить, какие они на ощупь. Что бы она ни надевала, бедра оказывались на виду: короткие платья на ней казались укороченными специально, чтобы не закрывать бедра; юбки словно растягивались во благо бедрам; шорты становились похожими на ларцы для бедер, а штаны – на формы для бедер. В сознании Мари образ этой женщины так легко сводился к бедрам, что если Иветте случалось заговорить с Мари, та не устаивала бедра ответом.

Ко всему сказанному надо прибавить, что Иветта была местной проституткой. Проституткой по случаю. Когда ей не удавалось сводить концы с концами – то есть примерно каждый месяц, – а шестеро детей просили есть, Иветта продавала свое тело за деньги. Впрочем, это ее проблема: вся деревня считала Иветту проституткой, но только не она сама; и в общем-то, никто не возражал против того, чтобы Иветта торговала своим телом. Как сказала бы бабушка Мари: «Должна же быть в городе хоть одна проститутка». Это признавали все, но не она сама. Стоило Иветте услышать шутку в свой адрес или поймать на себе взгляд, полный вожделения,

как она оскорблялась, делала страдальческое выражение лица и с видом ущемленной гордости разыгрывала мученицу, претерпевшую крайнее унижение и теперь обреченную всю жизнь носить в петлице медаль за героическое преодоление пыток.

Мари считала поведение Иветты смехотворным, но, увидев, как пара ее бесстыдных бедер разгуливает вокруг священника, возмутилась не на шутку:

– Паршивка!

Мари не могла видеть, как молодой аббат улыбается Иветте, пожимает ей руку и относится к ней с тем же вниманием, что и к остальным.

– Бедняга, он так невинен, что не замечает ее уловок. Впрочем, он всего-навсего мужчина, и она добьется своего...

Для Мари не было никаких сомнений в том, что Иветта хочет затащить Габриеля в постель.

Однажды после обеда, когда Мари меняла цветы у алтаря, она увидела Иветту, внезапно с шумом выбежавшую из исповедальни, всю в слезах, с полуобнаженными бедрами и румянцем, какой бывает лишь после любовных утех. Решив, что самое плохое уже произошло, Мари хотела наброситься на Иветту и отхлестать ее по щекам, но остановилась. К счастью, следом за Иветтой появился аббат Габриель – он был спокоен, холоден и чист. Мари дождалась, пока растерянная женщина покинет церковь, хлопнув дверью, затем как ни в чем не бывало направилась к вазе с увядшими цветами.

«Аббат отверг ее, – подумала Мари, – поэтому пара бедер пришла в ярость».

Пока Мари меняла высохшие лилии на свежие, срезанные в собственном саду, ее сердце успокоилось и забило в прежнем ритме.

Опечаленный аббат подошел к Мари. Она посмотрела на него. Он, раздосадованный тем, что его застали на месте преступления, в минуту душевного беспокойства, отвернулся.

Мари решила воспользоваться тем, что они одни:

– Как вы думаете, Иветта красивая?

От удивления священник пробормотал нечто нечленораздельное.

Мари настаивала:

– Красивая, правда?

– Я не рассматриваю своих прихожан с этой точки зрения.

Его голос окреп. Мари верила искренним словам аббата, но ее ярость все еще бурлила подобно супу, который продолжает кипеть даже после того, как огонь под кастрюлей убавят.

– Но, святой отец, я полагаю, вам известно, чем занимается Иветта?

– Что вы хотите сказать?

– Она местная проститутка. Неужто она это от вас скрыла?

– Она ничего не скрыла, и она действительно большая грешница, иначе я не стал бы уделять ей столько времени.

– Ее грехи вас занимают?

– Вовсе нет. Однако меня направили в Сен-Сорлен, чтобы я исцелял души страждущих. Поэтому мне приходится больше времени уделять грешникам, чем праведникам, хоть это и парадоксально.

Последние слова аббата изумили Мари. Так вот в чем дело? Аббат Габриель просто-напросто заботился о грешниках? И как ей это раньше в голову не пришло?

– Святой отец, я могу исповедаться?

Они вошли в маленькую исповедальню из полированного дерева. Теперь их отделяла друг от друга лишь тоненькая решетка, и Мари казалось, что она может к нему прикоснуться.

– Несколько лет назад меня обвиняли в убийстве нескольких человек. Вы что-нибудь слышали об этом?

– Да, дочь моя.

– Меня обвинили в том, что я отравила троих своих мужей и расправилась еще с одним мужчиной, якобы моим любовником.

– Я знаю, мне рассказывали о ваших мучениях. Но человеческая справедливость вас оправдала?

– Да. Поэтому я и не доверяю человеческой справедливости.

– Не понимаю...

– Я уважаю лишь справедливость Господа нашего.

– Вы правы.

– Ибо, хоть я и оправдана перед людьми, Богу известны все мои грехи.

– Конечно. Как и грехи всех нас.

– Да, но дело в том, что...

Она наклонилась к священнику и прошептала:

– Я действительно их убила.

– Кого?

– Моих супругов.

– О господи!

– И моего любовника Руди тоже.

– Несчастливая...

– И его русскую подружку Ольгу тоже, – добавила Мари с нездоровым возбуждением в голосе. – Вы будете смеяться, но в этом меня даже не обвиняли, потому что ее исчезновения просто-напросто не заметили. Одним муравьем больше, одним меньше.

– Иисус, Мария, Иосиф, придите к нам на помощь, молю!

Молодой священник перекрестился скорее из страха, чем в порыве любви к Богу, – он был сильно напуган исповедью преступницы.

А Мари Морестье с наслаждением смаковала его ужас. Какая уж там Иветта! Мари переплюнула ее по всем статьям.

В тот день Мари поведала Габриелю о своем первом убийстве. Хотя, чтобы не слишком шокировать молодого священника, она представила отравление как проявление сострадания: ее бедный муж Рауль так мучился, что она действовала скорее из жалости, была медсестрой, а не убийцей; послушать Мари, так она просто-напросто применила эвтаназию.

Габриель, бледный как полотно, слушал Мари, и на его лице отражались осуждение, отвращение, паника.

Он оставил ее, не сказав ни слова, а лишь осенив крестным знаменем.

На следующий день, явившись к семичасовой мессе и увидев священника, Мари тотчас догадалась по темным кругам под глазами, что Габриель плохо спал, а может, и вовсе не сомкнул глаз.

После обеда, когда они встретились в исповедальне, аббат признался, что ему не спалось.

Мари обрадовалась: она завладела его мыслями; ворочаясь в постели, он не мог уснуть, думая о ней. И поскольку она скоротала ночь примерно так же, с некоторой натяжкой можно было сказать, что они провели ночь вместе.

В тот день она снова говорила о своем первом убийстве – об убийстве Рауля, но теперь, сама не зная почему, инстинктивно она описывала отравление более реалистично, акцентируя внимание на своем отвращении к старику и ласкам, которых он от нее требовал. Представляя себя в образе юной девушки, страдающей от домогательств похотливого старика, она обнажала перед Габриелем свою темную душу, свою расчетливость, свою жажду крови; она подробно рассказала о том, как девять месяцев подмешивала мужу в пищу мышьяк, пока яд наконец не подействовал; о своем облегчении, когда муж умер; о том, как изображала на похоронах скорбящую вдову, о радости, которую испытала, получив дом, деньги и полную независимость.

Каждый день она приходила в церковь, чтобы рассказать о своих преступлениях. И каждую ночь молодой священник, мучимый тягостными воспоминаниями об убийствах Мари, страдал бессонницей.

Возможность выговориться доставляла Мари удовольствие, ей хотелось поделиться воспоминаниями, но она и представить себе не могла истинных причин своего поведения. Внезапно она поняла, что одно и то же преступление имеет в ее сознании множество мотивов. Тогда который из них на самом деле объясняет ее поступки? Тот, что пришел ей в голову во вторник, в среду, в пятницу или, может быть, в субботу? И ответ был прост: все. Осознав это, Мари стала сходить с ума от многообразия своего внутреннего мира; годами она взращивала, пестовала в себе идею невиновности, тогда как виновность открывала огромное пространство для изучения самой себя, своих намерений, настроений, своей глубины и талантов... Оказалось, что Мари обладает сверхъестественными способностями, ведь она не только распоряжалась жизнью и смертью других людей, но еще и вершила суд над собой – докапывалась до правды, заново пересматривала, интерпретировала свои действия, разрушала схемы, творила сюжет собственного романа.

Мари укрепляла свою власть над молодым аббатом. Он больше не спал. Не в силах заставить себя заниматься чем-то другим, он каждый день с интересом и страхом ждал встреч в исповедальне. Он стал увядать на глазах. Казалось, Мари тащит его за собой – в свой мир, в свой возраст, обрекая молодого человека своей усталостью и дряхлостью... Впрочем, она этого не замечала и любовалась Габриелем, как и прежде.

Для священника, как и для самой грешницы, самый захватывающий момент исповеди оказался связан с Руди, сёрфером и единственной настоящей страстью в жизни Мари, до него она не могла и вообразить сокрушительную мощь сексуального влечения. Удивленная тем, что какой-то мужчина владеет ее мыслями с утра до ночи, Мари сперва приняла свои чувства за любовь, но вскоре поняла, что ее просто-напросто физически тянет к нему, что она мечтает о его ласках, о светлых волосках на его груди, о его запахе, представляет тяжесть его тела. В Руди было что-то дразнящее, притягивающее, щекочущее нервы; он умел создать вокруг себя ауру исключительной чувственности, которая наполняла Мари, пока любовник был рядом, и опустошала, когда тот уходил. Рассказ об эротических фантазиях, связанных с Руди, вызвал у Мари что-то вроде тропической лихорадки, приятного и неловкого ощущения, в котором прошлое смешивалось с настоящим; закончив рассказ, она покинула исповедальню, страстно желая поцеловать молодого священника в губы, сорвать с него сутану и прикоснуться к его коже. Ее страсть к Габриелю только усиливалась.

Тем временем повсюду цвела весна, и посиделки в тесной душной исповедальне становились пыткой. После исповеди священник и грешница расставались бледными как мел и совершенно обессиленными, однако на следующий день вновь приходили на место встречи.

Мари веселилась, испытывая нервы Габриеля, словно молодой аббат был ее любовником, которого возбуждали подробности смелых, неожиданных и даже запретных действий. Она рассказывала о том, как топила Руди, подчеркивая жестокость и грубость своего поступка. Впрочем, в тот вечер Руди выпил лишнего, а потому ему не хватило ни ловкости, ни проницательности, чтобы помешать Мари утопить его в ванне. Наслаждаясь каждой деталью, грешница поведала о том, с каким хладнокровием она заметала следы; с особым удовольствием она рассказала, как они с сестрой завернули труп в ковер, уложили в багажник краденой машины, помчались за семьсот километров, сели на судно, отплывающее в Бретань, по дороге выбросили тело с привязанным грузом в воду, а потом ранним утром возвратились домой, отмыли машину, вместе с ключами бросили ее на парковке, чтобы какие-нибудь проходимцы оставили на ней свои отпечатки пальцев. Все это происходило вдали от Сен-Сорлен, в Биаррице, где Мари на деньги своих покойных мужей снимала дом.

Впервые в жизни она призналась в убийстве Ольги, постоянной любовницы Руди, к которой он возвращался всякий раз, закончив роман с очередной пожилой дамой. Обеспокоившись пропажей любовника, Ольга нагрянула прямо к Мари, обвинила ее в убийстве ненаглядного сёрфера и пригрозила, что обратится в полицию. Ни на секунду не выдав ни волнения, ни страха, Мари заявила, что Руди сбежал за границу и передал ей деньги для Ольги. Упоминание о возможности сорвать куш остановило Ольгу, она приняла ложь за правду и отложила свой поход в полицию. Мари назначила ей свидание поздно вечером, на террасе одного бара, где собиралась местная молодежь. Она вручила девушке конверт с несколькими купюрами, подмешала в коктейль яд, пообещала передать оставшуюся сумму следующим утром и оставила Ольгу в компании пьяных весельчаков.

Несмотря на то что пресса умолчала об исчезновении Ольги, Мари была уверена, что девушка умерла, – иначе она непременно пришла бы за своими деньгами.

Слушая, как Мари повествует об убийствах, воровстве, шантаже и разврате, Габриель был близок к обмороку. Мари нравилось замешательство священника, ей казалось, будто она открывает для него реальный, жестокий, враждебный мир. Она словно лишала его невинности.

Отныне Иветте оставалось плакать в полном одиночестве, и стоило ей появиться перед священником, как он отсылал ее назад, обещая выслушать, как только будет свободная минутка. С другими кающимися аббат разбирался еще быстрее. И хотя он служил мессу с прежним тщанием, теперь Габриель уже был не свободен, его преследовали признания убийцы, одержимой своими преступлениями. Мари Морестье победила. Она властвовала над ним и над всей деревней.

Мари ликовала, радуясь, что священник умеет хранить тайны, но еще большее удовольствие ей доставляло видеть, как он врет старым перечницам, которые не жалеют своих высохших связок, чтобы кричающими голосами осведомляться:

– Скажите, аббат, значит, Мари все-таки виновна? Иначе с какой стати она поселилась в вашей исповедальне?

– Эта душа претерпела много страданий, и вы, дочь моя, в данный момент несправедливо обвиняете ее, предав забвению человеческое милосердие.

Из духовника Габриель превратился в соучастника. Отныне с Мари их объединяла не только правда, но и преступление. Разве не вдвоем они его совершили? И осознание этого буквально пьянило Мари.

Через пять недель исповедей Мари поняла, что исчерпала запасы грехов. Оставалось еще несколько низостей, совершенных во время двух судебных процессов, но, говоря о них, Мари чувствовала, что расстреливает последние патроны и может остаться безоружной.

Она боялась, что ее власти скоро придет конец.

В ту среду молодой священник объявил прихожанам, что завтра и послезавтра его не будет. Вот так! Коротко и ясно! Прямо в лоб! То же он сказал и Мари.

Что произошло?

Неужели Габриель избегал новых встреч из-за того, что у грешницы иссяк запас шокирующих и любопытных историй? Как бы то ни было, не придумывать же новые! Не превращаться же в Шахерезаду, чтобы удержать аббата!

Томительные часы разлуки с Габриелем показались Мари невыносимыми. Она страдала. Что же это! Обнажить перед священником душу, а в ответ получить молчание, бегство... Решительно, аббат ничем не лучше остальных.

В пятницу вечером, в седьмом часу, обезумев от усталости, отвращения и уныния и обнаружив на своих лодыжках пятна экземы, Мари положила ноги на табурет и в наказание за свою тоску по Габриелю расчесала их до крови. В доме царила тоска и пахло клеенкой. Мари ни на чем не могла сосредоточить внимание: ни на ржавой лошадиной подкове, валяющейся на под-

оконнике, ни на календаре, что принес почтальон, ни уж тем более на газетах с рекламными объявлениями.

В восемь часов в дверь позвонили.

Это был он.

Она радостно вскочила. Если он и покинул прихожан, то возвратился раньше всех к Мари. Она прикрыла разодранные ноги, впустила его и предложила что-нибудь съесть или выпить. Он отказался и с чрезвычайно серьезным видом остался стоять посреди комнаты.

– Мари, я много думал о том, что вы мне рассказали, об ужасных признаниях, для которых я стал хранилищем, молчаливым хранилищем, ибо никогда не нарушу тайну исповеди. Эти два дня я провел в размышлениях. Я посоветовался со своим епископом и со священником, который был моим наставником в семинарии. Разумеется, я не упоминал вашего имени, но объяснил ситуацию в целом, чтобы мне подсказали, как себя вести. Я принял решение. Это решение касается нас обоих.

Торжественно, словно делая предложение, священник приблизился к Мари и сильно сжал кисти ее рук. Она вздрогнула.

– Вы покайтесь перед Господом.

Он стиснул ее пальцы:

– Теперь вы должны открыть свои грехи людям.

Мари отдернула руки и попятилась.

Габриель принялся настаивать:

– Вы должны это сделать, Мари! Ради правосудия. Ради семей погибших. Ради истины.

– Да мне плевать на истину!

– Нет. Она для вас важна, иначе вы не открыли бы ее мне.

– Вам! Только вам! Больше никому!

Мари с ужасом осознала, что священник ничего не понял. Она не служила истине, напротив, она воспользовалась истиной! Истина была нужна, чтобы завлечь и соблазнить священника. И открывалась она вовсе не Богу, а Габриелю, ему и только ему.

Он покачал головой:

– Я хочу, чтобы вы сняли грех с души перед людьми. Пойдите и расскажите все судье.

– Судье? Ни за что! Я годами отстаивала свою позицию! По всему видно, вы не знаете, что такое пережить два судебных процесса и... выиграть, понимаете? Выиграть!

– Выиграть что, Мари?

– Честь, мою репутацию.

– Ложную честь... Ложную репутацию...

– В таких вещах важно, как выглядишь со стороны.

– Но вы ведь пожертвовали своей честью и репутацией, открыв мне душу, отягощенную страшной ношей?

– Вам. Только вам.

– И Богу.

– Да...

– Бог, как и я, принял вас вместе с вашей виной. Он, как и я, продолжает вас любить.

– Да?

Он снова прикоснулся к ее рукам и накрыл их своими теплыми, нежными ладонями.

– Расскажите правду, Мари, расскажите правду всем. Я вам помогу, я вас поддержу. Отныне это моя главная цель. Я живу в Сен-Сорлен только ради вас, ради вашего горя; вы смысл моей жизни, моих молитв, моей веры. Мари, я считаю ваше спасение своей миссией. Я расшевелю вас, я докопаюсь до вашей глубоко христианской сущности. От пламени моей

веры возгорится ваша. Вдвоем мы преодолеем все трудности. Вы сделаете это ради меня, ради себя и во имя Господа.

Священник предстал Мари в новом свете. Миссия? Может, ей послышалось? Он считал ее спасение своей миссией?

Мари улыбнулась, и Габриель подумал, что убедил ее.

Это лето было самым счастливым в жизни Мари. Габриель с ней не расставался. Утром он вставал, чтобы ее увидеть, открывал двери церкви, чтобы ее встретить, торопливо ел, чтобы проводить с ней больше времени; он исповедовал ее каждый день, а потом в ризнице или у нее в гостиной подолгу разговаривал с Мари, излучая вдохновение, энергию и пылкое стремление спасти грешницу.

Мари цинично наслаждалась своими привилегиями. Еще бы! Ведь ей удалось отбить Габриеля у остальных. Победа! Уже вторая победа в ее биографии! И священник мог хоть захлебнуться своими бесконечными улыбками, неопровержимыми аргументами, дружескими жестами и пламенной речью, – она все равно ему не поддастся. Да и зачем, ведь это он уступил.

В своем блаженстве Мари недооценила блестящий дар убеждения, которым обладал аббат.

Мари сама не заметила, как втянулась в обсуждение и переосмысление своих поступков. Она была в ловушке. Начиная с июля она совсем осмелела, стала рассуждать и делиться со священником своими мыслями. Однако в ораторском искусстве Габриель оказался сильнее. Постепенно, не отдавая себе в том отчета и уверенная, что противостоит священнику, Мари подпала под его влияние, изменилась, стала мыслить иначе, признала важность ранее чуждой ей морали.

Она по-новому увидела Бога.

Раньше Бог был частью ее арсенала; произнося имя Господа, она словно стреляла из карабина; благодаря своему громкому и четкому «Господи Иисусе!» она немедленно восстанавливала вокруг себя тишину и прогоняла посторонних. Порой, когда надо было на чем-то настоять или что-то доказать, Мари пускалась в беспорядочное цитирование Евангелий и Отцов Церкви, кидая камни в огород своих противников, чтобы их оттолкнуть, задеть, а то и вовсе убить, и делала это метко, хлестко и верно. В конце концов при помощи Бога ей удалось восстановить свою репутацию и пережить всеобщее злопыхательство.

Теперь Господь казался ей не пугающим и мстительным, а источником нежности. Когда Габриель произносил: «Отец наш небесный» – он всегда так величал Бога, – воображение рисовало животворящий источник, лучшее вино или лекарство от всех болезней. Рядом со священником Мари начинала обращаться в новую веру, отказывалась от старого шерифа с карабином, очаровательного, милосердного бога любви, ростом метр девяносто пять, точь-в-точь как Габриель и с лицом Габриеля.

Раньше вера Мари была ограниченной, замкнутой и скучно-успокоительной. Отныне она серьезно вдумывалась в содержание проповедей и молитв, а по вечерам порой даже читала Евангелие.

Мари не понимала, что теперь полностью зависит от Габриеля. Поначалу сексуальная, ее зависимость теперь превратилась в духовную. Мари мечтала о добродетели, умилялась, слушая истории о прощении грешников, восторгалась, когда Габриель рассказывал о судьбах святых, особенно святой Риты, – Габриель писал о ней исследование в семинарии.

«Покровительница в безнадежных ситуациях? Значит, это моя заступница», – думала Мари, ложась спать.

Мари и Габриель проводили в спорах долгие часы, изнурительные для него, но благотворные для нее.

Она все еще была уверена в том, что контролирует ситуацию, однако священник все укреплял свою власть. Рядом с Габриелем она трепетала.

«Сломай меня, сделай из меня все, что захочешь!» – словно говорила она ему.

Впервые в жизни она чувствовала себя счастливой, подчиняясь чужой воле. Не важно, что молодой священник не овладевал ею в сексуальном смысле, зато он владел ее мыслями; и Мари не возражала, как мазохист, которому нравится быть связанным по рукам и ногам. Мари наконец нашла выход своей ожесточенности. Годы напролет играя роль повелительницы, она совершенно не подозревала, что может оказаться рабыней. Теперь она словно отдыхала от самой себя, расставаясь с прежним образом. Желание держать все под контролем уступило место покорности; опьяненная словами Габриеля, Мари страстно, с жаром и восторгом отдавалась во власть Габриеля.

Как-то раз, раздраженный тем, что Мари злоупотребляет его терпением, пунцовый от гнева Габриель, ткнув в нее пальцем, воскликнул:

– Вы дьявол, но я сделаю из вас ангела!

В этот день Мари почувствовала, как ее тело, от бедер до макушки, пронзила молния, оргазм, который повторялся всю ночь, стоило только вспомнить эту сцену.

Отныне Мари ослабила оборону. Она думала, как Габриель, чувствовала, как он, дышала, как он.

– Мы с вами находимся во власти добродетели, – сказал он как-то раз.

И хотя про себя она решила: «С тобой я согласна и на добродетель, и на зло, потому что ты мною управляешь», вслух она этого не произнесла.

Она все еще не соглашалась, все еще сопротивлялась. По вечерам, оставаясь в одиночестве и входя в экстаз, Мари уговаривала себя признаться в преступлениях, рассказать людям правду и пожертвовать своим комфортом ради справедливости. Но к утру ее смелость отступала.

– Если я соглашусь, вы будете навещать меня в тюрьме?

– Каждый день, Мари, каждый день. Если мне удастся вас убедить, мы будем связаны навеки. Не только перед людьми, но и перед Богом.

В каком-то смысле брак... Ну да, как ни крути, он практически предлагает пожениться.

Все чаще и чаще она представляла себе, как рассказывает об их союзе всем на свете: телевизионщикам, журналистам, полиции, судье. «Благодаря аббату Габриелю я призналась в убийствах. Если бы не он, я продолжала бы их отрицать. Если бы не он, я унесла бы истину в могилу. Габриель научил меня верить не только в Бога, но и в человека». В собственном воображении молчаливая Мари становилась красноречивой, готовой часами рассуждать о своем волшебном превращении, которым она обязана юноше. Она надеялась, что ее сфотографируют с Габриелем – или в зале суда, или в кабинете.

Разумеется, Мари отдавала себе отчет в том, что они в этой ситуации будут не равны: он – на свободе, она – в тюрьме. Можно ли быть свободным, если ты священник? Нет. Стоит ли отчаиваться, если тебя каждый день навещает любимый человек? Тоже нет. Разве не предполагает любовь подчинение другому?

– Жертва – это мера любви.

Так сказал Габриель в одной из своих проповедей. Вскоре Мари поняла, что он обращался к ней, и решила воплотить его изречение в жизнь: да-да, она принесет себя в жертву! Она признается во всем, лишь бы люди знали, какой великий священник Габриель. Она понесет наказание, лишь бы миру открылась власть Габриеля над ней. Она согласна покаяться, лишь бы люди запомнили их с Габриелем как самую необычную пару. Вместо ребенка она подарит аббату славу, шумиху в прессе, судебный скандал и место в истории; их двойной успех запомнится людям надолго – ее виртуозная ложь на всех судебных процессах и его духовный подвиг по обращению грешницы в праведницу. Без него Мари никогда не исправилась бы. Она

была безнадежна. Спасибо тебе, святая Рита, вдохновляющая падших. Когда история нравов пересекается со Священной историей... Ни больше ни меньше. А впрочем, кто знает? Вдруг это приведет Габриеля в Рим?

Ее возбужденная фантазия рисовала все новые и новые картины.

Невероятное, мучительное и очень волнующее лето закончилось, и на подходе осени Мари поняла, что изменилась.

В то воскресенье, собираясь к мессе, она была тиха и сосредоточенна. После службы, не в состоянии проглотить ни крошки, она отдала свой обед кошке и к двум часам явилась в ризницу к аббату Габриелю, чтобы сообщить, что делает признание.

– Клянусь вам, отец мой. Клянусь перед Богом и перед вами.

Он обнял ее и прижал к себе. Мечтая продлить момент нежности, Мари попыталась заплакать, но у нее вырвался какой-то странный, резкий всхлип.

Габриель поздравил ее, сто раз повторил, как ею гордится, как восхищается твердостью ее веры и тем, сколько сил она приложила, чтобы изменить свои взгляды; затем он предложил ей встать на колени и поблагодарить Бога.

Пока они произносили молитвы, у Мари кружилась голова. Она уже ощущала на себе груз принятого решения и одновременно не могла отделаться от радости пребывания рядом со священником – плечом к плечу, от запаха его кожи и волос, от чувства неожиданной близости. Она думала о том, что теперь он будет каждый день навещать ее в тюрьме, молиться вот так, вместе с ней, и она будет счастлива.

Покинув Габриеля, Мари отправилась домой через холмы. Последний вечер на свободе она провела, созерцая Сен-Сорлен сверху, со стороны виноградников; сиреневый закат сменялся фиолетовым, меланхоличное солнце отбрасывало лучи на обширные поля, и Мари чувствовала умиротворение. На черепичных крышах собирались десятки котов – они ждали заката и на фоне угасающего неба напоминали загадочные силуэты, украшающие китайские фонарики.

Итак, на этой неделе она отправится в Бур-ан-Брес, к судье, который несколько лет назад вел ее дело; тогда он был еще молодым и буквально ненавидел Мари, потому что ее оправдание срывало его повышение, гарантированное в случае обвинительного постановления суда. Теперь он вряд ли откажется ее принять.

Тут и там темноту пронзали лучи света, выхватывая из сумрачного пространства крышу, чью-то комнату или угол какой-нибудь улицы. У Мари за спиной, лежа под качелями, сука лабрадора лизала своих щенков; сад был напоен мягким ароматом лип, словно где-то поблизости подавали липовый чай. «Эй, деревенщина, завтра слава Сен-Сорлен вырастет еще больше, завтра вы проснетесь в местечке имени Мари Морестье, дьяволицы, ставшей ангелом, убийцы, презревшей всех, кроме Бога, Мессалины, которая превратилась в святую». Мари испытывала огромное желание поделиться своим внутренним светом, этим бесценным подарком Габриеля, со всеми жителями деревни. «Дамы и господа, я встретила священника, который творит чудеса. Он не человек, он ангел. Без него я никогда не предстала бы перед вами». Она расскажет о Габриеле и о их близких отношениях всему миру. Как это будет прекрасно!..

Она любовалась звездами и просила Бога даровать ей смелость и смирение или, скорее, смелость для смирения. К себе она возвратилась глубоко за полночь.

Когда она поворачивала ключ в замке, из окна соседнего дома высунулась хозяйка и, обращаясь к Мари, крикнула:

– Вас искал аббат! Он приходил дважды.

– Правда? Спасибо, что сказали. Пойду в ризницу.

– Думаю, его там уже нет. Он только что уехал на машине.

На машине? Но у аббата нет водительских прав, да и нет у него никакой машины.

Мари отправилась в ризницу. Казалось, что задернутые занавески скрывают пустое, обреченное пространство. Она постучала, потом снова и снова, до тех пор пока стук не превратился в грохот. Напрасно. Никто не ответил.

Она вернулась домой, решив не беспокоиться. Решение было принято, и аббат его одобрил. Наверняка он заходил к ней, чтобы еще раз выразить восхищение или предложить отвезти ее в Бур-ан-Брес, иначе и быть не могло. Она заснула, уверенная в том, что на следующий день все прояснится.

И точно, телефон зазвонил уже на рассвете. Мари с радостью узнала голос аббата Габриеля.

– Дорогая Мари, произошло нечто невероятное.

– Господи, что случилось?

– Меня призывают в Ватикан.

– Как это?

– Папа прочитал мое исследование о святой Рите, и оно ему так понравилось, что он предложил мне присоединиться к группе теологов, работающих в папской библиотеке.

– Но как же...

– Да. Мне придется вас покинуть. Вас и Сен-Сорлен.

– А как же наше дело?

– Мой отъезд ничего не меняет. Ведь вы уже приняли решение.

– Но...

– И вы все сделаете, потому что обещали мне. Мне и Господу.

– Но ведь вас со мной не будет! Когда я окажусь в тюрьме, вы не сможете навещать меня каждый день.

– Вы сделаете это, потому что обещали мне.

– Вам и Господу, да-да, знаю...

Она повесила трубку, озадаченная, чувствуя, как восторг предыдущего дня сменяется гневом. «Значит, в Ватикан... Благодаря мне он отправился бы в Ватикан. Благодаря моим признаниям он добился бы расположения папы. Надо было только подождать. Слава досталась бы Габриелю за совершение невозможного, за то, что он наставил убийцу на путь истинный, а не за писульку о какой-то малоизвестной святой. Что с ним такое, в самом деле? Как он может меня предать?»

Два дня спустя старая карга Вера Верне, скрюченная, как виноградная лоза, возбужденным голосом сообщила о прибытии нового аббата.

Мари отправилась в церковь.

Новый аббат, по всей видимости с трудом волокущий на себе тяжелую серую сутану, подметал паперть, болтая с прихожанами.

И когда Мари увидела красную толстую физиономию, грубые черты лица и куцую фигуру пятидесятилетнего священника, у нее больше не осталось сомнений в том, как она проведет последующие годы. Она будет разводить цветы, кормить кота, изредка навещаться в церковь и молчать до конца своих дней.

Возвращение

– Грег...

– Я работаю.

– Грег...

– Оставь меня в покое, мне еще двадцать три цилиндра драить!

Склоненная над второй турбиной мощная спина Грега с выступающими под трикотажной майкой буграми мышц отказывалась поворачиваться.

Матрос Декстер не отставал:

– Грег, тебя капитан ждет.

Грег развернулся так резко, что Декстер аж вздрогнул. Торс механика, от голых плеч до впадин возле крестца, сверкал от пота, и это делало его похожим на языческого идола: в рыжих огнях котельной окруженное облаком испарений блестящее тело казалось лакированным. Благодаря техническим талантам этого здоровяка изо дня в день, час за часом грузовое судно «Грэндвил» бесперебойно двигалось вперед, бороздя океаны и перевозя товары из порта в порт.

– Что, ругать будет? – сдвинув широченные, с палец толщиной, черные брови, спросил механик.

– Нет. Он тебя ждет.

Грег опустил голову уже виновато. И с уверенностью повторил:

– Ругать будет.

Декстеру стало так жалко друга, что по спине даже побежали мурашки. Он, гонец, знал, зачем Грега вызывает капитан, но не имел ни малейшей охоты сообщать ему об этом.

– Не сходи с ума, Грег. За что ругать? Ты пашешь за четверых.

Но Грег его уже не слушал. Он подчинился приказу капитана и теперь вытирал тряпкой руки, почерневшие от въевшейся смазки; он готов получить выговор, потому что гораздо важнее собственной гордости была для него дисциплина на борту: если начальник за что-то ругает, значит он прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.